

К 82

Б 14

ПРОКЛАЖАЮТСЯ І НАМЪЗЫКЕ
СВОЕЙ ЗАБЫВАЮТСЯ ЧАСТО І
МЕДВЕДЬ І МАЛЫ НАКЕВЪЕТЪ
І ВАУТЪ СВЯ

ІГРАЕТЪ КОЗА

А КОВА ВСА РАВАНЕ
І РОГАМИ СВОІМИ СКОЛАТ
УВАБРИЧНЫХЪ БЛОШНІ
ПЕРЕДНИМЪ СКАЧЕТЪ
НАМІ МАШЕТЪ
І РАТЬ

МЕДВЕДЬ

М.М.
Багизбаева

РУССКИЙ
ФОЛЬКЛОР
ВОСТОЧНОГО
КАЗАХСТАНА

НА КУРИЦЕ

СОМА

ВДОК

82 (21)
Б14

М.М.
Багизбаева

РУССКИЙ
ФОЛЬКЛОР
ВОСТОЧНОГО
КАЗАХСТАНА

АЛМА-АТА „РАУАН“

1991

42648

ЦБС

ЦГ

ББК 82.3 Р-6
Б 14

Рецензент — кандидат филологических наук А. И. Баландин

Составление, вступительная статья и комментарии М. М. Багизбаевой

Багизбаева М. М.

Б 14 Русский фольклор Восточного Казахстана.—
Алма-Ата: Рауан, 1991.—512 с.
ISBN 5-625-01040-4

Сборник составлен по материалам фольклорных экспедиций Казахского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. С. М. Кирова и может быть использован как учебное пособие при изучении курса «Русский фольклор», спецсеминаров «Поэтика фольклора» и «Региональное исследование русского фольклора», спецкурса «Русский фольклор Казахстана».

В записи, подготовке фольклорного текста и комментариев принимали участие сотрудники и аспиранты лаборатории КазГУ «Русский фольклор Казахстана»: У. К. Абишева — «Песни»; А. Б. Абдулина, Ж. С. Скакова — «Частушки»; Т. Я. Семенова — «Обрядовая поэзия»; А. Б. Абдулина — «Пословицы, поговорки и загадки»; Н. Б. Токарчук — «Детский фольклор»; А. А. Курышжанова, А. Б. Нургалиева — «Сказки»; Н. М. Назаренко — «Несказочная проза».

Б $\frac{4702010205-301}{404(05)-91}$ 257—90

ББК 82.3 Р-6

ISBN 5-625-01040-4

© Багизбаева М. М. 1991

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА

Судьбы народов, населяющих две области Восточного Казахстана (Восточно-Казахстанскую с центром в г. Усть-Каменогорске и Семипалатинскую с центром в г. Семипалатинске) тесно связаны в настоящем и прошлом. Корни этнических, экономико-географических и культурных связей народов этого региона уходят в глубь веков. История становления края сложна и неоднозначна. Живые краски ее проявляются в комплексе различных свидетельств: архивных документов, непосредственных впечатлений очевидцев и научных изысканий разнообразных профилей. Источниковедческий комплекс материалов, отражающих историю заселения и освоения русскими территории нынешнего Восточного Казахстана достаточно богат и разнообразен. Помимо статистической характеристики численности и состава русского населения в них с различной степенью глубины освещаются некоторые стороны социально-общественной, хозяйственной и культурной жизни региона, исследуются его природно-климатические условия.

Научную значимость первоисточников приобрели в наше время монографии и статьи ряда дореволюционных авторов. Это «Статистическое обозрение Сибири» Ю. А. Гагемайстера (СПб., 1854), «Путешествие по окраинам Русской Азии и записки о ней» М. И. Венюкова (СПб., 1868) и его же «Очерк географических исследований в Азиатской России» (СПб., 1877), «Статистическое описание Сибирского казачьего войска» Ф. Н. Усова (СПб., 1879), «История Семиреченского казачьего войска» Н. Е. Леденева (Верный, 1909), статьи семипалатинского ученого Н. А. Абрамова «Областной город Семипалатинск» и «Усть-Каменогорск в 1861 году» и другие важнейшие источники, в которых нашел претворение большой фактический материал.

Образование первых русских укреплений в регионе относится к началу XVIII века. По повелению Петра I экспедицией подполковника Бухгольца, исследовавшей

пути в город Яркенд, были возведены в верховьях Иртыша Ямышевская, Железинская и Семипалатинская крепости (1716, 1717, 1718 гг.). Двумя годами позже, в 1720 году, экспедиция генерала Лихарева, отправленная с той же целью, севернее озера Зайсан, при впадении в Иртыш реки Ульбы, заложила крепость Усть-Каменогорскую*. Крепость была названа так «потому, что там оканчиваются каменные горы, из которых Иртыш выходит, как из ворот»**.

Интенсивное освоение края объяснялось, в первую очередь, торгово-промышленными интересами России, что подтверждается предписанием Петра I генералу Лихареву по поводу территории озера Нор-Зайсан: «Если будет возможным туда дойти и по берегам его есть строевой лес и другие потребности для народонаселения, то построить у Зайсана крепость и населить»*** Иван Унковский, направленный в 1722 году послом в Джунгарию, по пути своего следования, при слиянии Иртыша с Черным Иртышом на берегах Зайсана, был озабочен поиском «тех мест, где удобно крепости быть, а особенно, что в тех местах, где может найдена быть руда и коммуникация с Сибирью, особливо водным путем...»****

По всему верхнему и среднему течению Иртыша были вскоре возведены русские укрепления, названные Иртышской линией. | Необходимость их создания диктовалась и причинами политического характера: ограждение государственных границ и защита их от джунгарских набегов.

Из дальнейших мер по укреплению расширяющихся в процессе присоединения Казахстана к России границ Российской империи заслуживают внимания укрепление берегов Иртыша от Усть-Каменогорской крепости до озера Зайсан и строительство в 1761 году Бухтарминской линии с крепостью. Русское население Бухтарминской долины к этому времени представляло собой своеобразный этнографический конгломерат: раскольники-старообрядцы, беглые каторжане, крестьяне, спасавшиеся от религиозных преследований, рекрутской повинности и

---

* Усов Ф. Н. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб., 1879. С. 6—8.

** Абрамов М. А. Усть-Каменогорск в 1861 году.— Записки ИРГО, кн. вторая, СПб., 1863. С. 113.

*** Полный свод законов. Т. V., № 3, 284, указ 18 января 1719 г.

**** Посольство к Зюнгарскому хун-тайчжи Цэван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722—1724 гг.— Записки Русского географического общества по отделению этнографии. Т. X., вып. 2, СПб., 1887.

крепостного гнета в горах, т. е. в «камне» («каменщики»), и старообрядцы, ушедшие в результате раскола в Польшу и принудительными мерами Екатерины II возвращенные в пределы России — «поляки».* Характерно, что «у алтайских «поляков» и «каменщиков», — отмечают исследователи, — в ряде бытовых особенностей наблюдалось много общего, говорящего или за общность происхождения этих двух групп, или за то, что здесь, в особых бытовых условиях, эти обе группы в одинаковом направлении развивали некоторые элементы своей культуры».**

Задолго до правительственных мер по переселению русских на территорию Бухтарминской долины здесь появилась линия вольных поселений. «Биография» русских первопоселенцев представляла особый интерес для исследователей. Тем более, что через эту местность проходила и правительственная колонизация Алтая. Глубиной и обстоятельностью изучения бытового уклада, культурной жизни русских в Бухтарминской долине отмечен очерк Б. Герасимова «В долине Бухтармы», опубликованный в 1911 году. В нем прослеживаются как самобытные черты, присущие данной местности, так и закономерные проявления, характерные для освоения русским населением всего региона.

В задачи очерка, определенные в самом его начале автором, входят — «история края, население, вероисповедание, жилище, одежда, орудия труда, предметы практических художественных произведений, занятия и промыслы, семейный быт, суеверия и гадания; народная медицина, живая народная речь и народное поэтическое творчество»***. Особый интерес к долине Бухтармы объясняется тем, что в отличие от «многих мест Азиатской России», где под влиянием разнообразных факторов идет быстрым темпом изменение бытовых, экономических условий и край в значительной своей части захвачен круговоротом новой жизни, Алтай, в той своей части, которая расположена по течению Бухтармы, до сих пор еще

---

* Географический словарь Российского государства, 1801, ч. I. С. 1260—1275.

** Бломквист Е., Гринкова И. Кто такие Бухтарминские старообрядцы. — Бухтарминские старообрядцы. Материалы комиссии экспедиционных исследований, вып. 17, серия казахстанская. Л.: АН СССР, 1930. С. 3.

*** Герасимов Б. Г. В долине Бухтармы. — Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела РГО, 1911, вып. V. С. 2.

продолжает жить патриархальной жизнью». * Нетронутость региона, неподвластность его скорым переменам — идеальные условия для работы историков. Закономерен вывод Б. Герасимова о том, что Чугучакский договор 1864 года только закрепил за русскими право владения всей территорией Бухтарминской долины, ибо появившись здесь впервые в конце XVII — начале XVIII столетия, они постепенно проникают в нижнюю и среднюю полосу долины (с запада на восток), а в первой половине XIX столетия — и в верховья Бухтармы и расселяются по обоим ее берегам.

Интересна этнографическая характеристика, которую Герасимов, пользуясь различными источниками и собственными наблюдениями, дает «пионерам» края. Это «староверы» (или по местному «кержаки»), которые надеялись здесь найти полный простор для проявления своих религиозных настроений... обрести спасение, укрывшись горами Алтая от господствовавшего в мире Антихриста» ** Долина Бухтармы рисовалась в их воображении фантастическим Беловодьем, таинственным и заманчивым, картиной полного благополучия, земного рая. Реальная «картина» не противоречила воображению первопоселенцев края: живописный ландшафт, плодородные почвы, богатые флора и фауна, вполне благоприятный климат — все это должно было отразиться в характере и мировоззрении населения, в их хозяйственной жизни и быту, в традициях трансформирующейся в новых экзотических условиях культуры.

Заслуживают внимания непосредственные впечатления, вынесенные весной 1776 года в служебной поездке «по обязанности своей» главным доктором при пограничных Сибирских войсках Беренсом, который «в проезд свой от Усть-Каменогорской крепости по новой тогда Алтайской горной линии видел тамошнюю местность с горами и долинами, разные травы и кустарники с цветами, при благорастворенном климате» *** Кстати сказать, «благорастворенный климат, полезные травы и кустарники» способствовали процветанию совершенно нового в этой местности хозяйственного промысла — пчеловодства.

* Герасимов Б. Г. В долине Бухтармы.— Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела РГО, 1911, вып. V. С. 2.

** Там же. С. 3.

*** Абрамов Н. А. Усть-Каменогорск в 1861 году.— ИРГО, кн. вторая, СПб, 1863.

Образование русских первопоселений в «камне» Герасимов объясняет не только религиозными побуждениями, справедливо выделяя как важный фактор и причины иного качества: «Заводские крестьяне и приписные к рудникам рабочие бежали в глубь Алтая под влиянием тяжелых условий заводской жизни. Мелкие преступники, присужденные к тяжелым наказаниям, долгосрочные обитатели тюрем также искали убежище на Алтае... Пополняя контингент населения, вся эта вольница проложила дорогу для правительственной колонизации, которая шла по следам вольным... Так в долине Бухтармы появилась линия самовольных поселений, на которые власти нашли необходимым обратить свое внимание.» *

Вольнолюбивые побуждения русских поселенцев края подчеркивают и гораздо более ранние его историки. Статью С. И. Гуляева «Алтайские каменщики», опубликованную в 1845 году, можно считать первым научно-полновесным исследованием данного вопроса в русской этнографии. ** Исходя из различных фактических источников, Гуляев твердо придерживался убеждения, что «каменщики» были выходцами по преимуществу из северо-восточных областей Европейской России. «Представляя северорусский тип», этот контингент русского населения края «отличается оригинальностью смелого выражения физиономии». По свидетельству ученого, «все поступки их показывают отвагу, проворство и удаль». Черты эти сохранялись у русского населения в этой местности и впоследствии. М. Н. Соболев, исследовавший русский Алтай в 90-е годы прошлого столетия, писал: «Среди них путник найдет людей гостеприимных, опытных проводников, которым известны все горные тропинки, отважных охотников и хороших толмачей, необходимых для сношений с инородцами. ***

Нет сомнения, что специфические условия жизни в «камнях» влияли на формирование особого характера русских людей, накладывали отпечаток на обычаи и нравы, создавали предпосылки для своеобразного развития культуры. Характерно, что С. И. Гуляев причиной богатства и разнообразия народной поэзии на Рудном Алтае считает «выход» местных первопоселенцев именно из северо-восточной части России: «Весь почти северо-восток

---

* Герасимов Б. Г. В долине Бухтармы. С. 5.

** Академические ведомости, 1945, № 20, 21, 22, 28, 29, 30.

*** Русский Алтай.— Землеведение, М., 1897, кн. III—IV. С. 68.

России, удаленный от мест, где происходила вековая борьба русского народа за святую веру и отчизну, сначала с Монголами и Татарами, а после с Поляком и Литвином, не испытывал иноземного влияния на семейную жизнь и нравы своих обитателей, и из их-то потомков впоследствии составилось первоначальное народонаселение в Западной Сибири и в горном округе». * Гуляев, которому принадлежит первостепенная роль в собрании и изучении русского фольклора на Алтае, обращает внимание на бережное отношение переселенцев к своей культуре, к национальным традициям, что способствовало сохранности народной поэзии.

Однако с течением времени стали проявляться факты, свидетельствующие и о воздействии на народное творчество местных специфических условий. Обосновавшихся («забежавших») в наиболее недоступных местах — в ущельях и горах — первые поселенцы охотно принимали «в сотоварищи». Среди них были не только русские. Герасимов донес до нашего времени характерное свидетельство: «Некоторые из инородцев крестились, оседая в русских поселениях. В деревне Быковой сейчас живет много потомков крещеных инородцев». **

Существовала и обратная связь, обусловившая родство не только по линии общих бытовых условий и единой веры, но и генетическое, на что Ф. Н. Усов обращает внимание как на факт, довольно типичный для пограничной Сибирской линии в целом. Долгое время здесь было чрезвычайно мало русских женщин, и казаки женились на инородках. Отсюда нередкие отклонения от русского типа к монгольскому. Но гораздо важнее то, как отмеченные связи повлияли на культурные традиции этнического региона. В материалах комиссии экспедиционных исследований более позднего периода прослеживается, как родственные связи русских и казахов «отразились в значительной мере на формах современного свадебного обряда у «каменщиков» Бухтарминской долины». Здесь «брак «уходом» занимает значительное место, и ...предельная сумма в виде т. н. «кладки» или «выговора» — выкупа за невесту, доходящая до 200 рублей, является необходимой и до настоящего времени». ***

---

* Гуляев С. И. О сибирских круговых песнях. — Отечественные записки. 1839, № 3. С. 55.

** Герасимов Б. Г. В долине Бухтармы. С. 6.

*** Бломквист Е. Д., Гринкова П. П. Кто такие бухтарминские старообрядцы. С. 12.

Судьбы «каменщиков» и их народное творчество привлекали внимание исследователей на протяжении длительного времени по целому ряду причин. Обратившись к Екатерине II с просьбой принять в подданство на правах инородцев, в ответ «они получили помилование за бегство и укрывательство от правительства и были обложены, подобно другим инородцам, «ясаком», т. е. податью в виде взноса в казну определенного количества звериных шкур».* Уже после столь своеобразного помилования «каменщики» основали целый ряд деревень: Осочиха, Быково, Сенная, Коробиха, Печи, Язовая, Белая, Фыкалка, Малонарымская. Однако из опасения быть приписанными к заводским крестьянам почти все «каменщики» покинули обжитые места, где вместо них поселились крестьяне заводского ведомства, переименовав и названия селений (Осочиху — в Богатыревку, Малонарымское — в Огнево). По свидетельству исследователей более позднего времени, в деревнях Бухтарминской долины, кроме основного старожильского старообрядческого населения, живут также позднейшие переселенцы — новоселы из разных мест Европейской части.

Итак, основываясь на различных источниках, первопричиной поселения русских в Рудном Алтае следует признать стремление их к «свободному самоустройству». С одной стороны, «местные выгоды, звериный и рыбный промыслы, меновая с инородцами торговля, производившаяся без пошлин», с другой — «возможность отправлять по правилам раскольничьих сект религиозные обряды в так называемых пустынях, устраиваемых в дремучих лесах».** Эти и другие возможности свободной жизни влекли в новые земли целые партии русских людей. И после своего подчинения правительству они не утратили вольнолюбивых устремлений, снимались с мест в поисках свободных земель, недоступных чиновничьему надзору, в поисках легендарного Беловодья, издавна поражавшего воображение русского крестьянина как «край вольный, обильный всеми житейскими потребностями и удобный для поселения в каких угодно местах». Народные легенды о Беловодье, записанные в конце XIX века Е. Шмурло, многое могут объяснить в характере русских

---

* Бломквист Е. Д., Гринкова П. П. Кто такие бухтарминские старообрядцы. С. 12.

** Из письма С. И. Гуляева к И. И. Средневскому.— Былины и исторические песни из Южной Сибири. Новосибирск, 1939. С. 175.

первопроходцев осваиваемых земель.* Интересна в этой связи и песня «Беловодцы — молодцы», записанная в Бухтарминской долине в начале нашего века А. Белосмодовым. В ней повествуется о неудачных поисках обетованного «Беловодья» и плачевном исходе этих поисков: «казаки плетьюми отодрали и домой пешком послали».**

Как видно, в историко-этнографическом отношении долина Бухтармы представляет глубочайший интерес, и вольное заселение ее «каменщиками», позднее принудительное перемещение сюда «поляков» и другие этапы формирования сложного этнического микрорегиона находятся в непосредственной связи с заселением Восточного Казахстана.

Одним из эффективных способов заселения края, проходившего параллельно с официальными правительственными мероприятиями, можно считать внутренние миграции русского населения. Стихийность их лишь внешняя, перемещение людей внутри региона имело причины самого различного свойства: политические, религиозные, экономические и даже эстетические. В этом отношении весьма выразительной можно считать историю освоения другого района Восточно-Казахстанской области — Маркакольского, отдаленного, труднодоступного и на редкость своеобразного — все богатство алтайской природы представлено здесь. Заповедное живописное озеро вбирает в себя воды множества речек, ручьев и ключей. Их названия, сохранившие в большинстве своем первозданность, донесли до нашего времени этнографический колорит прошлого: Тополевка, Еловка — в соответствии с природным ландшафтом, Соболиный ключ — когда-то на берегах Маркаколя водилось много соболя. Урунхайка... Этимологию этого названия местные жители объясняют переводом с казахского — «вечерний ветер», который неизменно приходит с вершин, с истоков речки, и прекращается с восходом солнца.

«Маркаколь, — читаем в современном очерке о заповеднике, — расположен в глубине Азиатского континента, на самом перекрестке нескольких климатических поясов: континентального Западной Сибири; резко континенталь-

---

* Шмурло Е. Русские поселения за южным Алтайским хребтом на китайской границе. — Записки Западно-Сибирского отдела РГР. 1898, кн. 25. С. 15—24.

** Архив Географического общества, раздел 62, оп. I, д. 28.

ного Монголии и умеренного климата среднеазиатских пустынь и степей». По мнению исследователя, «такое необычное географическое положение, полуторакилометровая высота над уровнем моря и само огромное водное зеркало, видимо, и определили удивительное богатство и неповторимое своеобразие его флоры и фауны».*

Происхождение названия местные старожилы связывают со значением двух казахских слов: «марка» — осенний ягненок, т. е. родившийся весной, к осени набравший вес, и «коль» — озеро. Сохраняют исконный национальный колорит легенды, бытующие об «озере полугодовалого барашка». Одна из них о том, как бай, отец красавицы-дочери, поставил условие нетерпеливым женихам: объехать озеро на коне, пока мясо марки варится. Успел проскакать вокруг озера простой чабан, а конь его пал на месте... Другая повествует о черном барашке, который подошел к бастау («родник» — с казахского), чистой воды напиться и провалился. Едва вытащили ягненка чабан с сыном, и тут хлынула из бастау вода, пошла в долину, залила травы, стала подниматься к склонам гор. И вскоре образовалось озеро. Записаны легенды со слов И. П. Минаева, потомка исторического для Маркаколя рода, первопоселенцев с. Урунхайки. По свидетельству восьмидесятилетнего пасечника, сохранившего завидную память о прошлом, «пионером» этих мест был его дед Фрол Минаев (прожил 95 лет). Приезжали на озеро за рыбой русские крестьяне из различных деревень и раньше. Но дед Минаев обосновался прочно, за ним сначала как бы нехотя потянулись другие, а когда прослышали русские люди, что в этих местах, зверьем и рыбой богатых, можно сеять ячмень и озимую рожь, сажать картошку, стало озеро обсеменяться.

Фрол Минаев, как и многие первопоселенцы, рыбачил с артелью и на озере Зайсан. Одно из первых свидетельств об этом озере принадлежит русским путешественникам Карлу Струве и Григорию Потанину, которые летом 1863 года следовали маршрутом «на озеро Зайсан и речную область Черного Иртыша до озера Марка-Куль». Письмо действительного Члена Географического общества К. Струве секретарю общества от 17 июня 1863

---

*Михайлов В. Заповедник.— Лик земли. Алма-Ата: Жалын, 1985. С. 67.

года содержит интересные факты о населении озера «Цзай — Сана» за несколько лет до официального основания здесь укрепления: «Озеро это, к удивлению нашему оказалось... совершенно русским; на его берегах и мысах находилось несколько рыбачьих артелей: численность русских крестьян и казаков доходила почти да 200»*. Интенсивное освоение Зайсанской территории, постоянный приток населения, притеснения купцов-скупщиков вынуждали промысловиков искать, новые, нетронутые места. Рассказы очевидцев о прекраснейшем озере, где рыбы — «плотом идет» по воде, камней не видно — подогревали воображение.

Население округа пополнялось за счет пришельцев из порубежных с Восточным Казахстаном областей, что объяснялось, в первую очередь, хозяйственно-экономическими причинами. Но не только. Замечательно по своей искренности признание знатока Алтая, натуралиста, охотника и путешественника Н. Я. Яблонского: «При одном только воспоминании о дивной красоте большого озера в горах Алтая меня невольно каждый раз снова тянет в этот чудный уголок мира, в этот рай земной. И дорого бы я дал, многим бы пожертвовал, чтобы снова иметь возможность поехать туда и поселиться там на всю жизнь, не испытывая особой нужды и лишений. Более живописного места, более красивого горного озера я не видел нигде и никогда, а изъездил и исходил в своей жизни я немало...» Своеобразны размышления ученого о воздействии местной природы, «всегда радушно открывающей свои широкие непродажные, чисто материнские объятия навстречу идущему к ней человеку». «Только одно хорошее и видишь в жизни и невольно как-то думаешь, что и действительно хороша жизнь человека, что она дышит дивной красотой, безбрежной радостью...»**

Видимо, первозданность, вечность окружающего природного мира, его дивная красота способствовали прочности культурной традиции. Многие активные исполнители собранного в обследованном регионе репертуара «открыты» в селах, приютившихся на берегах легендарного Маркаколя. На примере первопоселений Маркакольского края можно проиллюстрировать особенности быта и хозяйства, характерные для русского населения

---

* Записки ИРГО, кн. 3, СПб, 1863. С. 16.

** Природа и охота, СПб, 1907, № 17.

Восточно-Казахстанского региона в целом: это пушной промысел и рыболовство, развивавшиеся в прямой зависимости от природных условий, хлебопашество, огородничество, скотоводство, а затем и пчеловодство — повсеместно.

Процесс присоединения Казахстана к России принял особенно интенсивную форму в XIX веке, в результате чего все более укреплялись торгово-экономические и политические связи двух народов. Одновременно с укреплением казачьих станиц и созданием новых царское правительство целым рядом поощрительных мер стабилизировало вольное крестьянское переселение. Для новопоселенцев устанавливались льготы: полное или частичное освобождение от государственных повинностей, ссуда деньгами, семенами, инвентарем, безвозмездная помощь. Приток переселенцев в Восточный Казахстан значительно усилился. Особенно следует оговорить некоторые особенности жизни русских переселенцев, занявших те места, которые были районами кочевков казахов. Правительство выпускает специальный указ, вменяющий в обязанности окружных приказов, старших султанов и волостных управлений ограждать русских переселенцев «от всякого стеснения и произвола со стороны киргиз». В равной степени они должны были следить, чтобы со стороны русских «не было допускаемо никаких противозаконных поступков»*.

Целый ряд постановлений об устройстве края позволяет судить о чрезвычайной заинтересованности правительства в скорейшем освоении богатого природными ресурсами региона. П. П. Семенов-Тянь-Шанский, посетивший его в период массового заселения русскими, жившими в тесных контактах с коренным населением — казахами, писал о стремлении поселенцев «жить» со своими кочевыми соседями в добрых отношениях, закрепленных беспрестанной потребностью взаимной помощи и обмена предметов, производимых той или другой стороной»**.

Другой современник описываемых событий Ф. Н. Усов, пишет о том, что русское население Иртышской линии «употребляет в разговоре между собою едва ли не охотнее

---

* Материалы комиссии экспедиционных исследований, вып. 17, серия казахстанская, АН СССР. Л., 1930. С. 3.

** Семенов-Тянь-Шанский П. П. Поездка из укрепления Верного... — Записки ИРГО по общ. геогр. СПб., 1867. Т. I. С. 181.

киргизский язык, нежели русский, заменили многие русские названия предметов киргизскими и приняли от киргиз некоторые обычаи, причем для примера можно указать на предпочтение, отдаваемое казаками азиатским халатам перед всякою другою общерусскою и казачьею одеждою *.

Невозможно представить полностью численный и этнический состав данного региона, объединившего обширнейшую территорию. Наибольший эффект может дать, как кажется, локальный метод характеристики определенного района. «Неутомимый летописец Сибири и Казахстана» Н. А. Абрамов, два последних своих десятилетия проживший в городе «Семи палат» (по числу находившихся возле крепости зданий), составил ценный с научной точки зрения материал по истории Усть-Каменогорска (об Н. А. Абрамове много писал известный писатель и учёный Сергей Марков, в частности, в документально-художественном эссе «Награды вечности»).** Семипалатинский учёный обследовал Усть-Каменогорск и окрестные поселения в 1861 году, т. е. почти за десятилетие до того, когда бывшая крепость Усть-Каменная стала городом. Его данные самого разнообразного этнического, историко-этнографического характера заслуживают подробного цитирования. Вот, в частности, характеристика жителей. «При учреждении крепости по Иртышу к ним приписаны были из общего числа служилых людей около 800 душ под названием казаков. В 1725 году в пяти крепостях — Омской, Железинской, Ямышевской, Семипалатинской и Усть-Каменогорской — считалось строевых казаков 772, кроме офицеров. Вследствие междоусобий и смуты в Джунгарии было отправлено в 1745 году в Сибирь пять полков регулярного войска, коих часть и расположена была по Иртышской линии. В 1760 году присоединены к линейным казакам Донские, а также казаки из башкиров и мещеряков. Зато Иртышские крепости населялись: а) добровольными переселениями крестьян, с 1760 года вызывавшимися из Сибирских уездов б) в 1761 колодниками (арестантами), переводимыми туда первоначально для починки и переделки крепостных строений, с производст-

---

* Усов Ф. Н. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. С. 68.

** Марков С. Награды вечности. Вечные следы. Книга о землепроходцах и мореходах. М.: Молодая гвардия. 1973. С. 324—330.

вом провианта в) поселением в 1762 году отставших из полков нижних чинов с отводом на каждого земли от 20 до 30 десятин. Из третьей народной переписи 1763 года видно, что в окрестных деревнях около Усть-Каменогорска ревизских душ крестьян: в Прапорщиковой переведенных из Ялutorовского дистрикта 67 душ; Зевакиной 37 душ, Убинской 48 душ. Во всех же пяти верх-иртышских крепостях по переписи | 1747 года — 1.052 души, 1763 года — 1.119 душ посадских, приписанных к купечеству, и крестьян, самую большую часть — в крепости Омской. В 1770 году к линейным казакам присоединены полторы сотни запорожцев. В 1775 году в число казаков были включены также водворенные поблизости ссыльные, и при Императоре Павле I вошли в казачьи звания 2.000 малолетков, родившихся от солдат Тобольской губернии. Потом, когда правительство убедилось, что в Сибири не можно ожидать вторжений неприятельских, выводило с линии регулярные войска, сосредоточивая их только в известных пунктах. В 1808 году считалось линейных казаков 6.200 человек. В 1861 году в городе Усть-Каменогорске состояло жителей мужского пола 2055, женского 12,79.*

Как можно заключить из предложенной исследователем характеристики, состав русского населения данного района неуклонно возрастал в численном отношении и был этнически неоднородным. Этот вывод значим для всего Восточно-Казахстанского региона. С начала XVIII века в нем с разной степенью интенсивности шел сложный процесс экономического и культурно-этнического характера. В ходе формирования этнического региона был создан целый ряд станиц, поселков, деревень, часть которых сохранила свои прежние границы и специфический, весьма неоднородный контингент населения. Помимо неоднородности, следует подчеркнуть постоянную миграцию населения, обострившуюся в настоящее время в связи с изменением географического ландшафта, ростом городов и укрупненных поселков.

Безусловно, историко-этническая биография региона создавала социально-исторический, географический и бытовые факторы, влияющие на развитие народного творчества.

Жанровый состав русского фольклора Восточно-Казахстанской области разнообразен. Самыми распрос-

* *Абрамов Н.* Усть-Каменогорск в 1861 году. Записки ИРГО, кн. вторая, СПб., 1863. С. 119—120.

траненными жанрами являются песня, частушка, пословица, поговорка; в меньшем количестве бытуют сказочная и несказочная проза, обрядовая поэзия (календарная и свадебная), загадки, некоторые жанры детского фольклора, заговоры, причитания, гадания.

Говоря об исторических судьбах народной песни, о ее современном бытовании в русском фольклоре Восточного Казахстана, можно сделать определенные выводы. Фольклорные материалы, записанные экспедициями, в основных чертах отражают общие процессы, происходящие в современном народном творчестве: затухание жанра исторической песни, трансформация исторической песни в лирическую (они теряют многие исторические реалии) приуроченность к определенным историческим событиям, как например, в песнях «Соловей | кукушку уговаривал», «Обещался Александрюшка».

Группа военно-бытовых и походных песен немногочисленна по количеству, большинство из публикуемых текстов этой группы относится к традиционным, широко известным в песенной поэзии казаков Дона, Урала, Сибири, Терека. («Из-за лесу, лесу копии мечей», «Запоемте, братцы, песню», «За Катунью за рекой» и др.).

В песнях Гражданской и Великой Отечественной войн происходит освоение и переработка поэтических средств старинной казачьей и солдатской песни. Традиционные художественные приемы в них переплетаются с новыми, вызванными к жизни советской действительностью, появляются новые лирические герои: образ командира, партизана, молодого бойца, защищающего родину. Так, песня «Из-за лесу, лесу копии мечей» представляет переделку казачьей походной песни, Центральный образ в ней — командир дивизии — генерал И. А. Плиев, под командованием которого героически сражались за родину советские воины.

Публикуются две песни, посвященные героическому подвигу Зои Космодемьянской («Я вам сейчас спою песню партизанскую», и «Однажды в студеную зимнюю ночь»). На мотив старинной казачьей песни «За лесом солнышко блеснуло» поется песня «Седлай, казак, коня гнедого».

В песенном репертуаре Восточного Казахстана можно отметить процесс, характерный общерусской народной песне, который исследователи фольклора называют притяжением обряда лирической песни. В свадебном обряде села Завидное | исполняются лирические необрядовые

песни «Молодка, молодка, молоденькая» и «Калина с малиной рано расцвела», наблюдается и обратное: свадебная песня «Уж ты, ласточка, ты касатая» исполняется вне обряда.

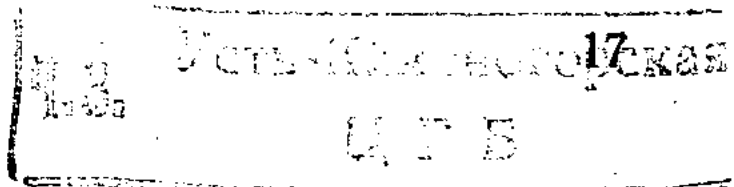
Сохранилось значительное количество хороводных, игровых и плясовых песен. Большинство из них — варианты традиционных народных песен: «Я по бережку похаживала», «Что по морю, морю синему», «На горе-то камени», «Во лузях-таки, во лузях» и др. К измененным относятся песни «Утка шла по бережку», «Как наша дорожка, дороженька, торна», «В лесу гуляла», «Ох, ты Стенька Сорочинский» и др.

Семейно-бытовые песни представлены небольшим количеством, все они традиционны, зафиксированы в сб. Шейна, Киреевского («Калина с малиной рано расцвела», «Меня мати молодую рано замуж отдала», «Ох, зимушка, зима да холодна очень была») и др.

В сборник включено 25 текстов календарно-обрядовой поэзии: рождественские и новогодние колядки, щедровки, колядки-меланки и весенние песни — заклички весны.

Зафиксированные тексты показали, что не все календарные праздники и элементы обряда бытовали или сохранились в памяти исполнителей Восточно-Казахстанской области. Так, например, отсутствуют свидетельства о празднования ряда весенних (радуницкая неделя, Петров день) и осенних обрядовых циклов. В исследуемом регионе не сохранились в памяти святочные гадания с блюдом, вьюнишные обряды. Вместе с отмиранием обряда утратились и сопровождавшие его песенные жанры — дожиночные и зажиночные, подблюдные, волочебные песни. Незначительное количество фрагментов вьюнишных песен перешло в свадебный обряд. Не получили должного претворения в календарном обрядовом фольклоре такие весенние праздники, как чистый четверг, вербное воскресенье, и летние — день Ивана Купалы. Не все сохранившиеся обряды представлены в комплексе: так, масленичный и свадебный ритуалы утратили обрядовую полноту. Практически забылись масленичные песни.

Тексты представленных в сборнике песен в основном традиционны, аналогичные им опубликованы в различных сборниках. Особое внимание привлекают колядки (№№ 11, 12, 13), являющиеся, видимо, новообразованиями, т. к. семантическое наполнение образов, компози-

ция этих текстов отступают от традиционных норм. Параллелей им, в рамках сравнительно-сопоставительного анализа, не обнаружено.

В песне-закличке весны (№ 23) последние строки («Все конопки перепляли, веретена, переломали») зафиксированы в наших записях без вариантов, в привлеченных для сравнения сборниках не обнаружены.

Наряду с календарно-обрядовой поэзией более активно бытуют свадебно-обрядовые песни. В сборник включено более 90 текстов свадебно-обрядовых песен, которые расположены в соответствии с ходом свадебного действия: сватовство — 2 песни, предсвадебные вечера — 5, катание с веником перед баней — 1, ритуал бани — 2 текста, лирическая обрядовая песня и причитание), девичник — 11 песен, утро перед венчанием до приезда жениха — 15, среди них 3 песни — причитания, исполнявшиеся во время расплетения косы; утро перед венчанием — во время приезда жениха, стол в доме невесты, «бранье» — 25 песен. Кроме того, в сборнике публикуются 7 величальных и 8 корильных песен.

Среди свадебных песен наблюдаются случаи практически полного совпадения текстов, зафиксированных в Восточно-Казахстанской области с ранее публиковавшимися и с другой стороны, тексты, претерпевшие некоторые изменения, в частности, композиционные: опущение, привнесение или перемещение композиционных звеньев. Нередки случаи контаминирования сюжетов, например, в тексте № 31 лирическая необрядовая песня сливается со свадебной обрядовой.

Некоторые изменения наблюдаются и в приуроченности свадебных песен к самим обрядам. Прежде всего это проявляется в концентрировании обрядовой лирики вокруг момента бранья (утро перед венчанием, стол в доме невесты) за счет отторжения ее от начальных и конечных эпизодов свадьбы. Отмечается и перемещение строго не закрепленных лирических обрядовых песен внутри обряда (со сватовства — на утро перед венчанием, с предсвадебных вечеров — на девичник и т. д.). Не всегда приуроченность записанных текстов соответствует традиционным. Вообще следует отметить, что календарный и свадебный обрядовый комплекс в полном его составе в жизни населения Восточного Казахстана не бытует.

Анализ различных жанров обрядового фольклора русского народного творчества Восточного Казахстана

показал, что их основной фонд тесно связан с общерусским календарным и свадебным репертуаром. Прежде всего эта связь проявляется в сюжетно-тематическом соответствии текстов, записанных в Восточно-Казахстанской области, с опубликованными в сборниках русской обрядовой жизни. В ряде случаев нет расхождений в местной и традиционной приуроченности текстов (в первую очередь для жанра колядных, масленичных, троичных песен календарного обряда; величальных, корильных и причитаний — для свадебного).

Общие модели поэтической структуры образцов обрядового народного творчества, зафиксированного в Восточно-Казахстанской области, имеют корни в классическом репертуаре. Тем не менее, буквальное текстологическое совпадения песен, записанных в Восточно-Казахстанской области, в сборниках общерусского фольклора редки.

Наибольшую значимость представляют тексты, в которых отмечены разного рода отклонения от ранее опубликованных. Эти отклонения связаны с изменением объема текста (в наших случаях наблюдается тенденция сокращения его), с бытованием часто лишь на уровне отдельных фрагментов, мотивов, воспринимаемых исполнителями как целостное произведение.

Наряду с указанной тенденцией следует отметить случаи обратного порядка: усложнение текста, чаще всего за счет контаминации как близких по сюжету одножанровых песен, так и относящихся к разным жанрам внутри одного обряда (причитания и лирические обрядовые песни — в свадебном обряде); календарных и свадебных обрядовых песен и, наконец, обрядовой и необрядовой лирики. Контаминации могут быть логически обусловленными, поэтически завершенными или же, напротив, семантически немотивированными.

Записи произведений русского фольклора Восточного Казахстана позволяют утверждать, что обрядовый фольклор данного региона бытует в русле общерусской традиции, сохраняя традиционную обрядовую поэзию, с одной стороны, и видоизменения ее на определенных уровнях — с другой.

Сравнительная характеристика общерусских и региональных вариантов помогла представить современное состояние русского обрядового фольклора Восточного Казахстана и дала возможность выявить пути развития известных, традиционных произведений обрядового фольклора, а также видоизмененных и вновь создавае-

мых. Последний аспект, как и некоторые уже отмечавшиеся проблемы, требует дополнительного длительного наблюдения и анализа при совмещении фронтального и стационарного обследования региона.

Определенное место в данном регионе занимают частушки — распространенный жанр русского фольклора, которые в настоящее время получили большую популярность в современной устной поэзии. В сборник включены 298 частушек (всего записано около 1600), собранных на территории Восточного Казахстана.

Если изучение русской частушки началось еще в конце XIX века, то в народном творчестве русского населения Казахстана собирание и исследование ее проводятся только последние два десятилетия. Зафиксированные тексты необычайно разнообразны по своему идейно-тематическому содержанию, обладают оперативностью, быстротой отклика на новые явления действительности и все-сторонне отражают жизнь русского населения данной местности.

Поэтика записанных частушек в основном традиционна. Особый интерес представляют тексты, связанные с локальными реалиями. Например, с топонимическими названиями: «Бухтарма, Бухтарма, маленький поселочек...»

Заслуживает внимания и специального изучения факт взаимопроникновения русского и казахского языков, т. е. использование слов двух языков в одной частушке:

Милый мой, қайда барасың?
Милочка, германцев бить!
Милый мой, онда өлесің!
Милочка, не может быть! *

Большинство записанных частушек не находит соответствия в других сборниках, что дает нам право говорить о наличии в русском фольклоре Восточного Казахстана большого количества новых частушек, бытовании старых, традиционных, сохранившихся без изменения, или существующих в различных вариантах.

Пословицы, поговорки и загадки менее распространены в русском фольклоре этого региона. Многие зафиксированные нами тексты можно квалифицировать как уже известные, опубликованные в различных собраниях. В настоящем сборнике помещено около 200 поговорок и пословиц.

---

* *Қайда барасың?* — куда пойдешь?
Онда өлесің — там умрешь (погибнешь).

Рассматривая малые жанры фольклора Восточного Казахстана, надо отметить оригинальность собранного материала. При этом следует оговориться, что к условно новым мы отнесли такие распространенные пословицы, как «Лучше один раз увидеть, чем десять раз услышать» или афоризм «От великого до смешного один шаг», так как во многих сборниках такие тексты не зафиксированы. В новых поговорках, пословицах и загадках Восточного Казахстана встречаются оригинальные, например, «Мир не перекрестится, как гром не грянет» или «Счастлив тот, кто часто любит». Есть интересные варианты традиционных пословиц, поговорок и загадок. Можно пронаблюдать, к примеру, как вслед за изменением лексического характера происходит изменение и смысловой нагрузки текста. Например, в сборнике Даля: «Кто за правду горой, тот истый герой», в данном сборнике: «Тот герой, кто за родину горой». В сборнике Даля: «К шубе ума не пришьешь» среди записанных нами материалов: «Язык к делу не пришьешь».

В других случаях наблюдается изменение грамматической формы пословицы или загадки, тогда как содержание остается традиционным. Например, у Митрофановой: «Тебе дано, а люди пользуются» (разгадка — «имя»), в данном сборнике: «Собственность твоя, люди поль-пользуются всегда, а ты — кой-когда» (разгадка — «имя»), причем, представленный нами вариант более полный и интереснее прежнего. Собранные на территории Восточного Казахстана пословицы, поговорки и загадки свидетельствуют о том, что малые жанры находятся в активном употреблении, продолжают не только бытовать, но и получают дальнейшее развитие.

Текстологический материал детского фольклора русского устного народного творчества Восточного Казахстана позволяет говорить о разнообразии жанрового состава. Сборник включает 176 текстов различных жанров детского фольклора: 36 колыбельных песен, 26 закличек и приговорок, 6 скороговорок, 20 дразнилок, 45 считалок, 23 игры с припевками и приговорками и 20 произведений составляют раздел «Пестушки, потешки и прибаутки». Тексты, полностью аналогичные произведениям традиционных сборников фольклора, мы не публикуем.

Самым распространенным и продуктивным жанром являются считалки, из которых чаще всего встречаются сюжетные и гораздо реже кумулятивные и заумные (в сборнике сюжетных считалок — 34, кумулятивных — 5,

заумных —3). Также следует отметить, что большинство считалок обходится без счета (в сборнике считалок со счетом —7).

Говоря о внеигровом фольклоре, следует заметить, что скороговорок народных в своей основе, мало, в настоящее время дети часто используют скороговорки, усвоенные из детской литературы. Литературное влияние сказывается и на других жанрах, свидетельством чего могут служить, например, колыбельная песня № 5, дразнилка № 7. Среди дразнилок больше всего высмеивающих отрицательные качества, пороки. Таковы дразнилки № 12—17. Немногим меньшую группу составляют дразнилки, образованные от имени, № 1—6. Есть дразнилки, высмеивающие и внешние данные, например № 7—10.

В поэзии пестования более распространены колыбельные песни, которые нередко пополняются за счет других жанров. Так, например, № 13—17—22 пришли в колыбельные песни из потешек. Нередки и контаминированные тексты, причем сюжеты могут логически связываться между собой, как в №№ 17, 34, 35, а могут быть совершенно независимы друг от друга, как в №№ 16, 18, 19.

Материалы сборника помогают представить общую картину бытования русского детского фольклора в Восточном Казахстане.

Сказки (№№ 1—29), записанные в этом регионе в 1981—85 гг., представляют собой сюжеты восточнославянского репертуара. Структура, персонажи, стиль, художественные средства носят в основном характер общерусской традиции.

Поскольку ряд сюжетов сказок русского населения Казахстана был представлен в сборнике «Фольклор семи-реченских казаков» (чч. I и II, 1977, 1979 гг.), в предлагаемый сборник вошли тексты, которые не нашли отражения в первом издании русского фольклора Казахстана, а также своеобразные локальные сюжеты, записанные в Восточно-Казахстанской области. Таким образом, сказки данной области дополняют общий сюжетный фонд русской сказки в Казахстане.

Тексты, записанные на территории Восточного Казахстана с учетом процессов, происходящих в современном бытовании сказки, логично рассматривать с точки зрения проблемы традиционности внутрижанровых и межжанровых изменений.

Записанные тексты характеризуются следующими тен-

денциями: стяжение сюжета, уменьшение объема, опущение эпизодов, персонажей, троичности, психологизация сказок, изменение мотивировок, поэтической системы.

Процесс «осовременивания» проявляется в следующих примерах: «взять в оборот», «2 км», «койки», «жулики», «аппетит разыгрался», «придуриваться», «рабочие», «пальто», «отправить в разведку», «тянуть резину», коньяк», «телеграмма», «вернуться из армии». Наблюдается также включение казахской и украинской лексики и реалий: «хан», «пан», «халат», «кибитка», «ой-бай-бай-бай», «тата» (отец), «галушки» и др. Явный литературный источник-литературную обработку представляет «Сказка про русского воина».

Предлагаемые вашему вниманию тексты сказочной прозы Восточно-Казахстанской области дополняют общую картину современного состояния сказочного репертуара русского фольклора Казахстана.

В настоящем сборнике опубликовано 89 текстов не-сказочной прозы, из которых 74 составляют былички и бывальщины, 7— предания, легенды, притчи, 8— анекдоты и небылицы.

Говоря о традиционности, нужно отметить тот факт, что в наших записях отсутствуют традиционные (в полном смысле этого слова) тексты. Так, например, сюжетные былички, помещенные в настоящем издании под номерами №№ 73, 74, встречаются и в сборнике А. Н. Афанасьева, и в сборнике «Фольклор семиреченских казаков», но наполнение этих сюжетов совершенно различное, что дает нам право говорить об изменении, образовании новых вариантов.

В целом, рассматривая несказочную прозу исследуемого региона, необходимо отметить новизну материала. Так, из 74 быличек и бывальщин, помещенных в сборнике, 68 новых и только 6 измененных: из анекдотов и небылиц — 6 новых и 2 измененных; тексты же, помещенные в разделе «Предания, легенды, притчи», все новые. Это свидетельствует о новизне фольклорного репертуара сказителей и о необходимости его изучения.

Другой характерной чертой является отсутствие сказа среди жанров несказочной прозы, где самыми распространенными являются былички и бывальщины, отличающиеся богатым тематическим разнообразием, индивидуальностью исполнения, связью с историей региона, что